

Предисловие «Полки»

Летопись условного русского города, в которой смешное перемешано со страшным. Салтыков-Щедрин пишет сатиру на современную ему Россию под видом сатиры на русскую историю — и создает сатиру на русскую вечность.

Лев Оборин

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Летопись истории условного российского города Глупова и хроника правления гротескных, омерзительных и устрашающих градоначальников. Глупов ищет себе князя, страдает от механических выкриков «не потерплю» и «разорю», печет пироги по уставу, переживает период идолопоклонничества, превращается в казарму, горит, голодает и тонет. В «Истории одного города» часто видят фантастическую сатиру на историю России, но за этим смыслом скрывается еще один: книга Щедрина — о «русском неизбывном», о внеисторических, роковых чертах национальной ментальности. Начинаясь как фарс, к финалу «История одного города» достигает размаха эсхатологической антиутопии.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Замыслы, относящиеся к «Истории одного города», возникали у Щедрина еще в конце 1850-х. К этому времени относятся и «Губернские очерки» — подступы к мрачной сатире «Истории». Непосредственно над «Историей» Щедрин работает в 1869–1870 годах, параллельно с «Помпадурками и помпадуршами». План книги менялся, даже когда публикация уже началась: например, в первой редакции «Описи градоначальникам» нет Угрюм-Бурчеева — самой заметной фигуры в итоговом варианте «Истории одного города».

КАК ОНА НАПИСАНА?

«История одного города» — это историческая хроника, которую последовательно

ведут несколько летописцев. Сообразно с описываемыми эпохами меняется и стиль повествования. Салтыков-Щедрин прибегает ко всему арсеналу сатирических приемов: «История одного города» полна аллюзий на реальные события, иронических ссылок на официально признанных историков, нарочитых анахронизмов, гротескных деталей, говорящих фамилий и вставных документов, блестяще пародирующих бюрократический абсурд. Салтыков-Щедрин укрывается под маской публикатора архивов, но не старается скрывать свое вмешательство в «материал».

Уже при жизни Щедрина часто сравнивали с Гоголем. «История одного города» подтверждает правомерность этих сравнений — не только потому, что Щедрин высмеивал мир чиновничества, но и потому, что он поэтично и по-настоящему страшно описывал катастрофы.

ЧТО ПОВЛИЯЛО НА АВТОРА?

В случае с «Историей одного города» уместнее говорить скорее не о влиянии, а об отталкивании — в первую очередь от официальной историографии, представляющей историю страны как историю правителей, и от казенного стиля распоряжений, предписаний и служебных записок, с которым Щедрин познакомился в годы своего вице-губернаторства в Рязанской и Тверской губерниях. Описание нравов в «Истории одного города» и «Помпадурках и помпадуршах», а до этого в «Губернских очерках» наследует «физиологической» очерковой традиции натуральной школы. Важны для книги Щедрина и русские юмор и сатира

1860-х — тексты Козьмы Пруткова, публикации «Искры» и «Свистка».

Прямое влияние на «Историю одного города» оказал стиль Гоголя, причем не только сатирический (можно вспомнить inferнальное описание пожара в Глупове). На замысел, вероятно, повлияла и пушкинская «История села Горюхина». Опосредованно воздействовали на Щедрина великие европейские сатирики: Франсуа Рабле, Джонатан Свифт, Вольтер. Возможный претекст «Истории одного города» — роман Кристофа Виланда «История абдеритов» (1774) — сатира на немецкую провинцию, скрытая за описанием жителей фракийского города Абдеры, которые с Античности имели репутацию дураков и простотиль, европейских глуповцев. Впрочем, нет свидетельств, что Щедрин был знаком с романом Виланда; из известных сатирических хроник ему точно попался на глаза памфлет Эдуара Лабулэ «Принц-собачка», публиковавшийся в «Отечественных записках». В конечном счете «История одного города» глубоко оригинальна — Тургенев, прекрасно знавший европейскую литературу, назвал книгу Щедрина «странной и паразитальной».

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

В журнале «Отечественные записки» в 1869–1870 годах. Этот журнал, в редакцию которого входил Щедрин, был единственным изданием в России, где такое острое произведение могло быть опубликовано.

Первое книжное издание «Истории одного города» вышло в 1870 году

и серьезно отличалось от журнальной версии: Щедрин убрал из окончательного варианта множество отступлений и рассуждений — очень остроумных, но замедляющих движение текста. Впоследствии он еще дважды возвращался к «Истории одного города» и перерабатывал ее для новых публикаций — последнее прижизненное издание вышло в 1883 году. Первое научно выверенное издание появилось в 1926 году в первом томе собрания сочинений Щедрина, за его подготовку отвечали Константин Халабаев и Борис Эйхенбаум. Другое научное издание вышло в Academia в 1935-м. Сегодня мы читаем «Историю одного города» по тексту последнего прижизненного издания с учетом работы советских литературоведов.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

В критике большинства современников «История одного города» «не нашла должной оценки и общего признания»: произведение рассматривали только как «историческую сатиру», экскурс в прошлое. Такую оценку дал книге Тургенев: «...слишком верная, увы! картина русской истории». В том же духе высказался Алексей Суворин, автор задевшей Щедрина рецензии в «Вестнике Европы». Суворин видел в «Истории одного города» «глумление над глуповцами», Щедрин (прочитавший это как «глумление над народом») горячо возражал и даже опубликовал в ответ критику. Другие современники понимали, что Глупов — сатира не только на прошлое, а скорее на российскую жизнь вообще, в том числе на ее провинциальность. В этом контексте к «Истории

одного города» не слишком сочувственно отсылает Достоевский в «Бесах»; примечательно, что в «Истории одного города» действует градоначальник с фамилией одного из персонажей «Идиота» — Фердыщенко, и постсоветские исследователи нашли немало параллелей между этими двумя произведениями, главным образом в части критики социалистического утопизма.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

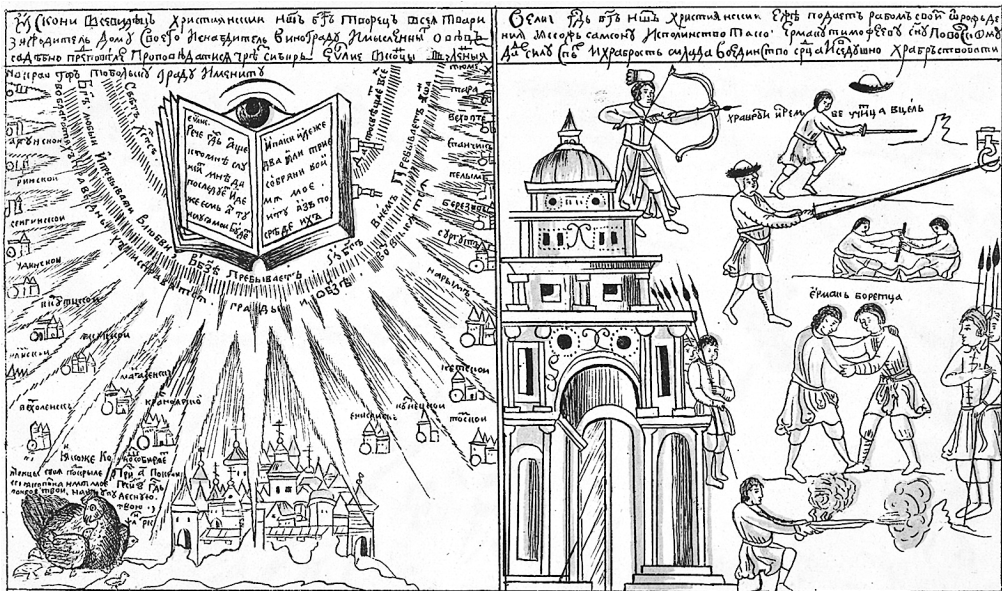
Писатели следующих поколений подчеркивали неизбежную актуальность «Истории одного города»: «Когда я стал взрослым, мне открылась ужасная истина. Атаманы-молодцы, беспутные Клемантинки, рукоусы и лапотники, майор Прыщ и бывший прохвост Угрюм-Бурчеев пережили Салтыкова-Щедрина. Тогда мой взгляд на окружающее стал траурным», — писал Михаил Булгаков². Стиль Щедрина оказал влияние на лучших советских сатириков, таких как Ильф и Петров и Юрий Олеша, на произведения Булгакова и Платонова³. В то же время советская пропаганда отвела Салтыкову-Щедрину место в пантеоне революционных демократов, примерно соответствующее положению Гоголя в предыдущую эпоху; в 1952 году Сталин произнес фразу: «Нам нужны Гоголи. Нам нужны Щедрины» — и на короткое время «Гоголи и Щедрины» стали частью культурной повестки. Инерция идеологии сохранялась в щедриноведении и после Сталина, но постепенно «Историю одного города» начали рассматривать в контексте мировой сатиры⁴

и — не без оснований — видеть в последних главах скепсис по отношению к «революционной демократии»⁵. В 1989 году режиссер Сергей Овчаров снял по «Истории одного города» фильм «Оно» — в этой экранизации проводятся явные параллели с историей не только царской России, но и СССР.

Жанр сатирической хроники (в том числе хроники будущего), изобилующей анахронизмами, сказывается в таких новейших произведениях, как «Палисандрия» Саши Соколова⁶ и романы Виктора Пелевина 2010-х. Наконец, в 1990-е современный писатель Вячеслав Пьецух опубликовал два прямых продолжения «Истории одного города» — повести «История города Глупова в новые и новейшие времена» и «Город Глупов в последние десять лет».

«ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА» — ПАРОДИЯ НА ТРАДИЦИОННУЮ ИСТОРИОГРАФИЮ?

Формально «История одного города» — это опубликованные Щедриным документы «Глуповского летописца». Так называется собрание исторических сведений, которые записывали глуповские архивариусы (их четверо — явная ироническая отсылка к евангелистам; двое из них носят гоголевскую фамилию Тряпичкин). Щедрин имитирует «церковно-книжный витийственный слог»⁷, но в то же время — современную ему историографию: книги Николая Костомарова, «государственную историю» Бориса Чичерина и Владимира Соловьева. Достается, причем с упоминанием имен, менее серьезным

Семен Ремезов. Краткая сибирская летопись. Фрагмент. Конец XVII века — 1703 год.
Щедрин пишет «Историю одного города» в летописной манере

«фельетонистам-историкам» (Михаилу Семевскому, Петру Бартеневу, Сергею Шубинскому) и беллетристам, пишущим на исторические темы. По словам Дмитрия Лихачева, писатель «пародирует не столько летопись, сколько историков государственной школы, использовавших особенности летописного изображения исторического процесса для обоснования своих положений»⁸. Лихачев добавляет, что «летописная манера изображения давала неограниченные возможности для сатирического изображения действительности»⁹. Таким образом, отсылка к «делам давно минувших дней» — это ширма для более глубоких обобщений.

Само устройство «Истории одного города» — пародия на традиционный подход к истории народа как к истории правителей. С такой подачей истории русский

читатель сталкивался с детства, например в «Истории России в рассказах для детей» Александры Ишимовой. Практически все элементы мифа о возникновении русской государственности, в частности норманнская теория о призвании варягов, у Щедрина жестоко пародируются. Даже количество градоначальников Глупова «явно намекает на число русских царей»¹⁰. На частную историю провинциального Глупова проецируются события и термины «большой истории»: высокая политика и военные кампании (от сношений Беневоленского с Наполеоном до осады «клоповного завода» в главе о шести градоначальницах). Это создает комический эффект довольно древнего свойства: можно вспомнить древнегреческую «Войну мышей и лягушек» и «Битву книг» Джонатана Свифта.

Стоит упомянуть еще об одной пародии на официальную историографию, написанной почти одновременно с «Историей одного города», — стихотворении Алексея К. Толстого «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева», лейтмотив которого — все то же отсутствие в России порядка, отмеченное в «Повести временных лет». Стихотворение не публиковалось при жизни Толстого и ходило в списках. По мнению Щедринова Дмитрия Николаева, «История одного города» избежала такой участи благодаря гротескным, полуфантастическим чертам, сбившим с толку цензуру¹¹.

ЧТО ЕЩЕ ПАРОДИРУЕТ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН?

В «Истории одного города» очень важное значение имеют пародии на бюрократический стиль документов XVIII–XIX веков — «Оправдательные документы». Здесь есть написанные градоначальником Бородавкиным «Мысли о градоначальническом единомыслии» и созданный градоначальником Беневоленским «Устав о добропорядочном пирогов печении», регламентирующий вполне естественный ход вещей — не без выгоды для законодателя: «По вынутии из печи, всякий да возьмет в руку нож и, вырезав из середины часть, да принесет оную в дар». В «Оправдательных документах» использованы целые пассажи из «Свода законов Российской империи»¹². Это была материя, в которой Щедрин, одно время сам крупный чиновник, разбирался прекрасно. Кроме того, перед глазами у него был пример подобной пародии — «Проект:

о введении единомыслия в России» Козьмы Пруткова.

Для очерковой традиции 1860-х годов, к которой примыкает «История одного города», характерны иронические отсылки к Библии и другим религиозным текстам. Как указывает исследовательница Татьяна Головина, «ассоциации с Ветхим и Новым Заветами пронизывают все главы и все уровни текста» книги Щедрина¹³. Самый очевидный пример — глава «Подтверждение покаяния. Заключение», которая оканчивается апокалиптической катастрофой Глупова. Но в книге есть и множество других аллюзий: «усекновение головы майора Прыща» (отсылка к Иоанну Предтече); строительство глуповцами башни до неба (подобной Вавилонской); уподобление развратного Фердыщенко и его любовницы Аленки ветхозаветным Ахаву и Иезавели; начальник плюет подчиненному в глаза и исцеляет его от слепоты (подобно Христу)¹⁴ и так далее. По словам Головиной, Щедрин развивает карамзинскую идею истории как «священной книги народов» и последовательно сопоставляет эпизод за эпизодом глуповской истории с библейскими сюжетами¹⁵. Градоначальники, уподобленные царям, не довольствуются этим: им необходимо «утвердиться в роли Бога»¹⁶ или ощутить себя его полномочными наместниками (у Щедрина они называются «от вышнего начальства поставленными»); как указывает комментатор Щедрина Г. Иванов, слово «вышний» в XIX веке употреблялось почти исключительно по отношению к Богу¹⁷. Апогея эта тенденция достигает в правлении Угрюм-Бурчеева — за которым следует глуповский конец света.

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
НАМЕКАЛ НА КАКИХ-ТО
КОНКРЕТНЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ
И КОНКРЕТНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ?

Да, повсеместно. Даже названия племен, среди которых были и головотяпы-прото-глуповцы, взяты из «Сказаний русского народа» Ивана Сахарова и пародируют перечисление племен в «Повести временных лет»; отсюда же — история о поиске князя, явно намекающая на призвание варягов. Зачастую в градоначальниках Глупова можно узнать сразу несколько исторических персон: так, в Угрюм-Бурчееве видится портрет не только и не столько страшного военного министра Аракчеева, сколько Николая I, который гордился своим наводящим ужас взглядом¹⁸. Существуют попытки сопоставить Угрюм-Бурчеева даже с Петром I¹⁹.

Сентиментальный Двоекуров и склонный к мистицизму Грустилов напоминают Александра I, а немец Пфейфер — Петра III. «Товарищ Сперанского по семинарии» Беневоленский — карикатура на самого Сперанского, о чем говорит уже его типичная для бурсака^{*1} латинская фамилия, а виконт Дю Шарю, «по рассмотрении оказавшийся девицею», — отсылка к авантюристу Шарлю д'Эону де Бомону, послу Франции в России, который имел склонность переодеваться в женское платье. Градоначальники XVIII века выходят «из грязи» — они бывшие брадобреи, истопники, повара; все это — намеки на карьере фаворитов и сановников при русских императрицах. Глава «Сказание о шести

градоначальницах» в карикатурной форме описывает эпоху дворцовых переворотов: в градоначальнице Ираидке узнается Анна Иоанновна, в Амалии Карловне — Екатерина II. Путешествие губернатора Фердыщенко по своим владениям — реминисценция поездки Екатерины в Тавриду и многочисленных показных вояжей российских губернаторов. Когда в 1761 году над Глуповом разражается буря, переламывающая пополам градоначальника Баклана, — это намек на «ту политическую бурю, которая взволновала Россию в 1762 году, внезапно оборвав жизнь слабоумного Петра III и возведя на престол его честолюбивую супругу»²⁰. Такие примеры можно множить и множить.

КТО ТАКИЕ
ГРАДОНАЧАЛЬНИКИ?

Слово «градоначальник» в официальном языке обозначало главу города, «выделенного из состава губернии в самостоятельную административную единицу вследствие его особого значения или географического положения»²¹. Градоначальника не нужно путать с городничим — главой полиции в уездном городе (гоголевский Городничий из «Ревизора» — фактический хозяин города, но его должность не аналог современного мэра или губернатора). Градоначальников назначал лично император. Это не очень-то соответствует и заштатности Глупова, и сомнительным качествам всех его правителей.

Почему же Щедрин говорит именно о градоначальниках? Вероятно, чтобы

*1 Учащийся духовной семинарии, в просторечии — бурса.

Здание пансиона Рязанской губернской гимназии.
Из альбома «Рязань в фотографиях XIX — первой трети XX века». 1868–1869 годы.
В 1858–1860 годах Щедрин служил вице-губернатором Рязанской губернии

усилить сатирический эффект и придать дополнительную «зыбкость», неконкретность статусу Глупова — «сборного города», представляющего всю Россию. Некоторые градоначальники у Щедрина демонстрируют вполне губернские, а то и царские замашки. А иные идут еще дальше: градоначальник Бородавкин втайне пишет устав «О нестеснении градоначальников законами», единственный пункт которого гласит: «Ежели чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то, сняв оный со стола, положи под себя». Г. Иванов, комментируя это место, указывает на следующий рассказ Владимира Одоевского: «Губернатор Ховен присутствовал в губернском правлении (во время оно), и когда, в споре, показали ему Свод, он взял его и сел на него, говоря: ну, где же теперь ваш закон?»²²

ПОЧЕМУ ЩЕДРИН ПОДРОБНО ОПИСАЛ НЕ ВСЕХ ГРАДОНАЧАЛЬНИКОВ ГЛУПОВА?

Для этого есть несколько причин. Во-первых, фрагментарность, нецельность хроники — элемент пародии на архивную летопись, которая может не сохраниться целиком, или на публикаторскую стратегию «фельетонистов-историков», избравших для своих сочинений преимущественно анекдоты. Во-вторых, пародийно следуя за этими «фельетонистами», Щедрин исчерпывает «глуповский сюжет»: в тексте подробно описаны самые замечательные, самые типические, самые одиозные и «катастрофические» градоначальники; остальные правления — скорее штрихи к картине. Наконец, в «Истории одного города» есть прямое объяснение,

почему одни градоначальники запомнились глуповцам, а другие нет:

Бывали градоначальники истинно мудрые, такие, которые не чужды были даже мысли о заведении в Глупове академии (таков, например, штатский советник Двоекуров, значащийся по «описи» под № 9), но так как они не обзывали глуповцев ни «братцами», ни «робятами», то имена их остались в забвении. Напротив того, бывали другие, хотя и не то чтобы очень глупые — таких не бывало, — а такие, которые делали дела средние, то есть секли и взыскивали недоимки, но так как они при этом всегда приговаривали что-нибудь любезное, то имена их не только были занесены на скрижали, но даже послужили предметом самых разнообразных устных легенд.

ПОЧЕМУ ЩЕДРИН ТАК СИЛЬНО МЕНЯЛ ПЛАН «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА»?

Такое часто бывает с большими произведениями, которые публикуются частями, — например, начало «Войны и мира» Толстого вышло под заглавием «1805 год» и по мере работы над продолжением план был переработан радикально. Салтыков-Щедрин тоже углублял замысел «Истории одного города», возвращаясь к этому произведению до конца жизни. Два самых заметных изменения — появление последнего глуповского главы Угрюм-Бурчеева, которого нет в первой опубликованной версии «Описи градоначальников». По мнению исследователя Владимира

Свирского, ввести Угрюм-Бурчеева и переверить ему действия так и оставшегося лишь в «Описи» Перехват-Залихватского Щедрин решил после раскрытия «нечаяевского дела» в конце 1869 года²³. Другой пример резкого изменения плана — полная переделка главы о градоначальнике Брудастом: из «Неслыханной колбасы» он становится механическим «Органчиком», а съедобная фаршированная голова достается другому градоначальнику — Прыщу. В результате галерея начальников обогащается. Возникают разные типы правителей — безмозгло-охранительный и безмозгло-либеральный²⁴.

ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ВЫСМЕИВАЕТ ЩЕДРИН — ИСТОРИЮ ИЛИ СОВРЕМЕННОСТЬ?

«История одного города» — не только сатира на прошлое России с 1731 по 1825 год (даты из предуведомления). Щедринская сатира по сути своей вневременна. Сам Щедрин, отвечая в частном письме на рецензию Суворина, утверждал: «Мне нет никакого дела до истории: я имею в виду лишь настоящее. Историческая форма рассказа была для меня удобна потому, что позволяла мне свободнее обращаться к известным явлениям жизни». Далее, уже печатно, Щедрин вновь разъяснил свои намерения: «Не “историческую”, а совершенно обыкновенную сатиру имел я в виду, сатиру, направленную против тех характеристических черт русской жизни, которые делают ее не вполне удобною».

Это отлично чувствовали бдительные современники. Цензор, читавший

Мстислав Добужинский. Провинция 1830-х годов. 1907 год

«Историю одного города», говорил о проекте Бородавкина учредить воспитательный институт для градоначальников как о «приложении сатиры автора к настоящему положению вещей, а не к прошедшему времени»²⁵. Так читали «Историю одного города» и советские комментаторы (закрывая глаза на сходства угрюм-бурчевевого Глупова с современным им тоталитарным общественным устройством).

Чтобы укрепить ощущение «совершенно обыкновенной сатиры», Щедрин всюду использует анахронизмы, которые намекают на самое недавнее прошлое. Далеко не все подобные отсылки

считываются легко: «История одного города» — журнальная проза, воспринимаемая читателем на фоне злободневного контекста периодики и во многом построенная на обыгрывании узнаваемых читателем актуальных аллюзий²⁶. Читателю здесь поможет реальный комментарий. Так, первоисточник идей глуповских градоначальников о связи просвещения с экзекуциями — реальные служебные записки губернаторов 1860-х. «Тайная интрига» панов Кшепшицольского и Пшекшицольского отражает настроения патриотической прессы конца 1860-х²⁷, маниакально списывавшей все беды России на «польскую»^{*1} интригу»²⁸.

*1 Царство Польское находилось в составе Российской империи с 1815 по 1915 год. В 1830 и 1863 годах поляки поднимают восстание, в обоих случаях оно заканчивается неудачей. Восстания усиливают антипольские настроения в России — на политические козни поляков списывают множество проблем в стране. После покушения Александр II первым делом спрашивает у стрелявшего в него Каракозова: «Ты поляк?»